

Никогда еще Жэнь Ши не ведал такого смятения.

Не будучи человеком от рождения, до превращения он вел жизнь затворника, а обретя людской облик, и вовсе редко с кем сходилась. С нынешним наставником его связывало лишь имя «учителя» да «ученика» — союз, рожденный скорее выгодой, нежели сердечной привязанностью. Если и был в целом свете кто-то, кого Жэнь Ши считал близким, то лишь Гу Сюньчжи.

На его глазах тот превращался из несмышленного ребенка в статного юношу, и этот диковинный опыт пробудил в Жэнь Ши чувства, почти сродни отцовским. Когда Сюньчжи втайне покинул Гору Лазурного неба, Жэнь Ши долго не находил себе места. Но, рассудив, что он не отец беглецу, а лишь старший соученик, он со временем смирился. Не вернись Гу Сюньчжи вовсе, память о нем померкла бы, как и не было его никогда.

Но он вернулся. Да еще в таком жалком, изнуренном виде.

Жэнь Ши напускал на себя суровость, но в душе места себе не находил от тревоги. Раз уж судьба привела младшего брата обратно, он не мог просто стоять и смотреть, как тот угасает. Сев на тахту и мерно постукивая по колену, Жэнь Ши принялся рассуждать.

Раз Сюньчжи признался, что не переносит пилюли отказа от пищи, значит, внутренности его совсем истощены. Мастеру самосовершенствования в таком состоянии и десяти лет не протянуть. Следовало во что бы то ни стало продлить ему жизнь, и начать стоило с укрепления пяти внутренних органов.

По правде сказать, Жэнь Ши не слишком разбирался в искусстве долголетия. Срок его собственной жизни был столь велик, что ему, в отличие от смертных, не требовалось изнурять себя практиками ради бессмертия. Однако за долгие годы, проведенные подле наставника, он кое-чего нахватался. По крайней мере, знаний его хватало, чтобы подлатать немощное тело Сюньчжи.

Он вернулся в алхимическую залу и принялся рыться в запасах. Его мастерская больше походила на склад: повсюду громоздились стеллажи, заставленные коробочками и флаконами. В свободное время Жэнь Ши любил собирать травы и плавить снадобья, но, кроме пилюль отказа от пищи, сам почти ничего не принимал. За годы накопилось немало.

Отбросив те, что могли утратить силу, он отобрал с дюжину подходящих: пилюли гармонии пяти внутренних органов, лекарство долголетия, пилюли для почернения волос, пилюли вскармливания первозданной энергии и пилюли очищения меридианов. Набрал полную охапку, он поспешил в кабинет.

Гу Сюньчжи сидел на узкой тахте, тяжело дыша. Он выглядел донельзя изнуренным. Жэнь Ши не на шутку встревожился:

— Только что ведь был в порядке. Отчего вдруг занемог?

Сюньчжи смущенно улыбнулся:

— Вынес старую постель просушить. Не думал, что эта малость окажется такой тяжелой.

Жэнь Ши помрачнел еще больше. Неужто он и впрямь так слаб? Гу Сюньчжи, неверно истолковав его гнев, совсем оробел:

— Шисюн, Сюньчжи виноват. Я приму любое наказание, которое ты назначишь.

Глядя в его испуганные глаза, Жэнь Ши лишь тяжело вздохнул:

— Раз ты докатился до такого состояния, толку тебя наказывать? Я принес снадобья, выпей всё.

Он разжал руки, и с дюжину флаконов и коробочек рассыпались по тахте. Сюньчжи замер в растерянности — он и помыслить не мог, что суровый старший брат придет лечить его. Жэнь Ши, не давая ему опомниться, сунул ему в руку один из сосудов:

— Вот, это пилюли гармонии пяти внутренних органов. Начинай с них.

Гу Сюньчжи поднял взгляд. Хоть голос брата и оставался резким, он смотрел с затаенной заботой. На душе у Сюньчжи стало тепло. Проглотив пилюлю, он почувствовал, как по телу разливается живительный жар.

— Хорошее лекарство. Спасибо, шисюн, — мягко улыбнулся он.

Жэнь Ши не улыбнулся в ответ. Сжав губы, он подтолкнул к нему следующий флакон:

— Теперь эти.

Один за другим Сюньчжи покорно глотал снадобья. Пилюли были не из мелких, и после десятка штук он почувствовал в животе тяжесть. Но Жэнь Ши уже держал наготове новую коробочку — там лежали шарики размером едва ли не с кулак ребенка. «Если и это съем, то точно лопну», — подумал Сюньчжи с горькой усмешкой.

— Шисюн... остальное давай завтра.

— Глупости! Это лекарства, от которых зависит твоя жизнь. Как можно откладывать?

— Но я... я больше не могу.

Только сейчас Жэнь Ши заметил, что живот младшего брата заметно округлился. Понимая, что в таком состоянии пользы от снадобий не будет, он с сожалением отложил пилюли для почернения волос:

— Ладно, в другой раз. — Жэнь Ши резко поднялся. — Когда ты уходил, учитель еще не обучал тебя алхимии. Раз уж вернулся, пора восполнить пробелы. У меня как раз есть травы для пилюль возвращения весны. Иди за мной.

«Сейчас? Обучать?» — Сюньчжи едва не застонал. Он почти не спал прошлую ночь и валился с ног, но, подстегиваемый действием принятых лекарств, сумел взять себя в руки. Спорить с братом он не посмел.

Когда-то эта комната была жильем Сюньчжи, но теперь ее было не узнать. Стеллажи до потолка, в центре — алхимический горн, перед ним — коврик. Жэнь Ши быстро перечислил состав, растолковал тонкости и, показав способ плавки, сунул в руки брату веер из пальмового листа.

— Следи за огнем, — бросил он и вышел.

Сюньчжи только и оставалось, что горько усмехнуться. «Разве это учеба? Ему просто нужен был кто-то, кто посторожит печь». Он слишком хорошо знал нрав брата, чтобы обижаться. Оставалось лишь надеяться, что шисюн сжалится над его немощью и не заставит сидеть здесь до рассвета.

К его удивлению, снадобья начали действовать. Размеренно взмахивая веером, он ощутил, как тепло в груди превращается в поток, медленно растекающийся к рукам и ногам. Вскоре даже кончики пальцев, обычно ледяные, согрелись. В теле заструилась забытая духовная энергия.

Он не знал этого чувства десятилетиями. В юности он накопил крохи ци, но они давно иссякли в скитаниях. Те крохи помогли ему пережить несколько опасностей, но раны были слишком глубоки. Сюньчжи и думать забыл о пути бессмертия... Неужто у него появился шанс?

В своих странствиях он встречал других «бессмертных», вопрошал их о своем недуге, но слышал лишь отказы. Смирившись с близкой смертью, он и решил вернуться. Но если смерть отступит... Сюньчжи стало не по себе. Как теперь смотреть в глаза брату? Тот, казалось, ничего не помнил, но для Сюньчжи те воспоминания были живы, неизгладимы.

За этими думами он не заметил, как стемнело. Усталость навалилась с новой силой. Пальцы разжались, веер начал падать... и вдруг исчез. Сюньчжи поднял глаза. Рядом стоял Жэнь Ши.

— Толку от тебя никакого, — как всегда колко и придирчиво бросил он. — Даже с этим не

справился. Иди спать.

Сюньчжи не заставил себя просить дважды. Едва держась на ногах, он побрел к воротам — забрать постель, что оставил на солнце. Давно стемнело, и одеяла наверняка промерзли, но деваться было некуда. Однако ни стула, ни тюфяка на месте не оказалось. «На этой горе не бывает людей, а если бы и были — кому нужна такая ветошь?» — недоумевал он. Пришлось возвращаться в кабинет.

Каково же было его изумление, когда он увидел свою постель уже расстеленной на тахте. Одеяла стали мягкими и пышными — их явно кто-то заботливо просушил у огня. А под ними обнаружилась горячая грелка для постели, сохранившая тепло.

Забравшись под одеяло, Сюньчжи ощутил, как уютное тепло согревает не только тело, но и саму душу.

<http://bllate.org/book/17555/1708401>